

творчестве герой говорит — „кричит“ зычным голосом). Таким образом, под рыцарскими одеждами героев повести легко узнаются внешние очертания героев русских сказок, былин.

Несомненно, что под влиянием народного творчества автор находится и в следующем эпизоде. Возвратившись из похода за „белой лебедью“, Яропол Ярополович женится на привезенной им невесте и принимает царский престол. „И бысть радость велия...“. Однако как раз в это время совершается грозное событие, о котором не подозревает счастливый царь Яропол. Прибывший „курьер“ приносит ему весть о том, что турецкий салтан нарушил „пароль“ перед Невеей (стольный город Яропола Ярополовича), т. е. обещание быть подвластным и платить ей дань, — и разбил невейское войско, находившееся в Турдии. „И бывшая радость [Яропола] вся претворилась в печаль“ (л. 59, Сип. 222). Автор использовал один из типичных приемов народного творчества — развитие действия по контрасту. В то время когда герой-богатырь, князь — „ест, пьет, прокладывает“, не ведая за собой „незгодушки“, над ним нависает смертельная опасность, обычно военная, о которой возвещает ему „добрый молодец“, приехавший „с поля чистого“, „пташечка“, прилетевшая оттуда же и т. д. В тексте повести сохраняется и текстуральная близость с народными сказаниями:

История о Ярополе. У Яропола Ярополовича „бысть радость велия и воцарился, и бысть цесарь и всеми землями обладатель и повелитель. ...И какъ радость минуше, и врит Яропол цесарь: «однако ж бѣжит курьер!» И скоро метался во дворец, сам падоша на колени, глаголя: «ах! всемиловитый государь Яропол цесарь! что ты изволишь пити и ясти, веселитися? а того, государь, не знаешъ, что царь турецки не устоял в данном своем пароле...» (л. 58 об., Сип. 222).

Гистория о Киевском богатыре Михаиле, сыне Даниловиче двенатцати лет.

„Пьет, ест великий князь, тешится, а над собою кручины не ведает. То в то время идет молодец ис поля чистого... и въезжает на государев двор... бежит во светлую горницу, пред князем колпака не сымает; и стал говорить ему: «Государь велики князь Владимир Всеславъевич киевской, пь ешь ты и ешь и тешисся, а над собою, государь, кручины не ведаешъ: идет из большия орды царь Бахмет, сын Тавруевич»“.¹

Или: „ай гой еси сударь мой дядюшка, ты старой Никита Романовичъ, а спишь лежишь опочив держишь. Али те Никите мало можется, над собою ты невгоды не ведаешъ. Упала звезда поднебесная, потухла в соборе свеча местная, не стало царевича у нас в Москве, а меншова Федора Ивановича. Много Никита не выпрашивает, а скоро метался на широкий двор, скрычал онъ Никита зычнымг олосом...“²

¹ Приложение к XXXIX т. Зап. АН, СПб., 1881, № 5, стр. 21 (по рукописи 2-й половины XVIII в.).

² Сборник Кирши Данилова, под. ред. П. Н. Шеффера, СПб., 1901, Прилож. 1, песня 2, стр. 198.